

Ия КИВА

Ия Кива – поэт, переводчик, журналист. Родилась (1984) и выросла в Донецке. С 2014 года живет в Киеве. Стихи, рецензии и переводы публиковались в журналах «Плавучий мост», «Новая Юность», «Новый мир», «Крещатик», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Союз Писателей», в интернет-изданиях «Цирк “Олимп”», «Артикуляция», TextOnly, Asymptote и др. Стихи переводились на польский, английский, литовский, французский и украинский языки. Автор книги стихов «Подальше от рая» (2018). Перевела роман Мариш Галиной «Автохтоны» на украинский язык (2016), переводит на русский язык стихи современных украинских поэтов.

девушка в серебристом пуховике
длинном как тени ускользящего желания
посмотрела на меня на станции метро «Дворец Спорта»
взглядом в котором угадывалось коромысло с ведрами
полными страсти и ее мгновенного отрицания

такой знаете ли жест которым гасят окурок
заметив на горизонте директора школы или родителей
успевая при этом сделать последнюю затяжку

сегодня я уже видела в метро двух целующихся девочек
(я часто их вижу в метро
двух крашенных молодых блондинок
со значками радуги на рюкзаках)
и эта история показалась мне
красивым отражением дневных впечатлений

глаза ее сверкали как огромные дырки в зубах неба
хохочущего над ночной уязвимостью человека
и в полупустом вагоне она разумеется села рядом
оставаясь как бы невидимой панночкой
которую скрывали длинные мои и ее волосы

девушка не вышла ни на следующей станции
ни через одну ни на той что после
хотя ближе к моему району люди стремительно беднеют
укладываясь в коконы практичности черного и серого
и теряя пакеты с покупками из дорогих магазинов

разумеется девушка свернула именно в мою сторону
и замелькала луной между деревьями и прохожими
то обгоняя меня то наоборот отставая
словно бы рассказывая историю на одном ей известном языке

дикой речкой извивалась она в морозном воздухе
бликуя отсветами бесповоротных эмоций
а потом вдруг рванула вперед как атлет перед финишем
и на середине квартала отделявшего от пункта назначения

резко обернулась и выразительно на меня посмотрела
как бы подтверждая нет то есть да то есть нет
тебе ничего не показалось

я же шла не меняя темпа и думала
что пространство города отражается в тысяче зеркал
и что если и давали в детстве какие-то указания на этот счет
то в них точно ничего не говорилось о девушках

(а зря скажете вы
или что вы там вообще говорите?)

с темным барахтаньем в грязной воде
сравниваешь нигде
тяжелеющее под языком
как совок коллективной памяти
подвязанный в местах срубов
хозяйственным дворником

но топора твердого знания не обнаруживаешь
цепенеешь от холодка мятной конфеты
чувствуя что в середине джема не будет
даже если по горло увязнешь в слюне уязвимости

так в психологическом упражнении на доверие
падаешь в пустоту растопыренных рук
хлещущих без объятий
как в детскую формочку для песка
несоразмерную собственно ничему

и длящаяся пытка опыта
бежит вдоль железнодорожных путей
от перемещений репрессированных реминисценций
а ты опять остаешься
с узелком полным отсутствия

монетки лежат на дне арт-объекта

лед гигантомании тает медленно

захочешь через год вернуться в искусство
– улица на которой оно прописано
в рот воды набрала

Бисер

слово Донецк
и слово кошмар
спрессовываются
отказываясь оказываться
на букву

(небуквальная боль)

К.
Йозеф К.
Ия К.
К.атастрофа
строфа К.

строка сорокоуста
просрочена
(за здоровье?
за упокой?)

словно бы изнанка
знание из
конца в
конвенциональность
конвенцию вненаходимости

в ничто быта
в уничтожение
всякой вещи усекновение

в ничтожество сопротивления
опрокидываясь настежь
в силках упадка

не в силах продолжаться
в долгое время
вдевать себя

в жертву жатве
вжиматься

во дне камнепада
пошевеливаться
во дни ливенные

категории горя
каталогизировать

процессуальность конечности
в кольцах obsessions
не кончается
не кончает

не к...

где язык подвернется на теплых ударах молчания
где о бедра толкнется отрок вихляющей речи
там ларец семизвездный как праздничные уголья
на центральную площадь потащат добрые книголюбы

все о чем умолчишь настигает вором изнеженности
будто письменность отменяет свидетельство павших
ветер перемещений умерщвляется ветром беспамятства
в запечатанной книге зияний толпятся народы

все что скажешь низвергнется диктатурой опыта
из блуждающих нор возродятся праведные землеройки
и гибридные дети восполнят мертвые донья
нежный мех наших ног укроет нас от неразличения

в долгое полотно памяти
пеленают новорожденного
нежные женщины

хребет немоты искривляется
под тяжестью молчания
как под снегом дерево

ребенок давится воспоминаниями
на обтрепанных краях колыбели
выступает пот забытых предков

забей говорят
забей в себя гвозди

но прежде извинись перед крестом
как и перед деревом в котором тебя срубили
а также лесом недосчитавшимся утром солдата

и давай уже иди в свое небо
и если возможна последняя просьба
разъеби ближнего своего как самого себя